

Улькера Динова

ГРОМКОЕ СЧАСТЬЕ
Романтическая эротика

УДК 82-993
ББК 84-4
Д46

Д46

Динова У.

Громкое счастье: Романтическая эротика / Улькера Динова – М.: Литнет, 2025. – 172 с.

ISBN 978-5-521-89784-1

- Вы на мне дыру прожжёте своими прекрасными глазами, Всеволод Антонович. На мне что, цветы растут или ваше либидо разбушевало при виде такой красоты?

Азаров закатил глаза и ухмыльнулся в ответ на колкое замечание девушки. Эта рыжая ведьма сегодня дерзнула прийти в так называемом платье.

- Слишком много на себя берёте, Мария Олеговна. Ваши штучки приберегите для кого-нибудь другого. Был женат уже, иммунитет есть. Так что, не прокатит. Будьте любезны надеть наряд поприличнее завтра. Здесь не бордель и не клуб вам. Я ясно выразился?

- Предельно. Непременно посмотрю, что могу сделать для вашей просьбы. А теперь, если не возражаете, пойду трудиться, как пчёлка.- Вот и трудитесь идите, не мельчите. Свободны!

В его кабинете между ними искрило сейчас, мама не горюй. Поднесет кто спичку, сметёт ударной волной на километры. Либо добьют друг друга, либо...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89784-1

© Литнет, 2025
© У. Динова, 2025

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	61
Глава 14	66
Глава 15	70
Глава 16	74
Глава 17	79
Глава 18	84
Глава 19	88
Глава 20	92
Глава 21	97
Глава 22	102
Глава 23	107
Глава 24	111
Глава 25	117
Глава 26	121
Глава 27	127
Глава 28	131
Глава 29	136
Глава 30	140
Глава 31	145
Глава 32	150
Глава 33	157

Эпилог 1.....	162
Эпилог 2.....	167
От автора.....	171

Глава 1

– Всеволод Антонович, вы на мне дыру прожжёте своими прекрасными глазами. На мне что, цветы растут или ваше либидо разбушевалось при виде такой красоты?

Азаров закатил глаза и ухмыльнулся в ответ на колкое замечание девушки. Да, эта рыжая ведьма сегодня дерзнула прийти в так называемом платье, которое едва трусы прикрывало. Мучительный сто-як обеспечен теперь, несмотря на его утренний перформанс с рукой под холодным душем. И ведь не постеснялась же в его сне такое ртом своим греховным вытворить. Не хватало теперь ещё позорно просыпаться от поллюций подростковых.

– Слишком много на себя берёте, Мария Олеговна. Ваши штучки приберегите для кого-нибудь другого. Был женат уже, иммунитет есть. Так что, не прокатит. Будьте любезны надеть наряд поприличнее завтра. Здесь не бордель и не клуб вам. Я ясно выразился?

– Предельно. Непременно посмотрю, что могу сделать для вашей просьбы. А теперь, если не возражаете, пойду трудиться, как пчёлка. Сами же будете через час протоколы и бумаги на подпись требовать.

– Вот и трудитесь идите, не мельтешите. Свободны!

В его кабинете между ними искрило сейчас, мама не горюй. Поднесёт кто спичку – сметёт ударной волной на километры. Либо добьют друг друга, либо накинута и осквернят его стол как следует. Настолько, что ему потом не сиделось бы спокойно за ним из-за стояка на совещаниях своих грёбанных. Она скрипнула зубами, развернулась и громко цокая шпильками, еле сдерживая раздражение вышла из кабинета, намеренно не закрывая за собой дверь. Перетопчется! Сам закроет, надо будет.

Ох, как же он бесит! Как же хочется в такие моменты глаза ему выцарапать а! Вот прям залезть на колени с задранным платьем этим, расцарапать всего и везде, а потом облизать эти царапины самой и оттрахать его по самые...

Так, а секс как затесался сейчас в её мысли? Она же его с первого дня своей работы здесь терпеть не может. И зачем согласилась

из филиала с другого конца города переводиться, спрашивается? Не знала его ведь, принимал её его заместитель Марков, и как-то так получилось, что мельком шефа видела со спины и жила себе весело. А филиал был новый, коллектив молодой совсем, вместе пришли все и начинали. Чёрт её дернул согласиться перевестись сюда после отвисшей от него челюсти при первой встрече. Как сейчас помнит, целый час мастурбировала потом перед сном, представляя, как он качественно её беседовал в фантазиях. Добираться домой теперь далеко с работы, но она хотела с Ирой чаще видаться. Классно ведь, с лучшей подругой вместе работать, захотела посплетничать – не надо через полгорода нестись, чтобы встретиться.

С самого начала она поняла, что он высокомерный, наглый, дерзкий, невозможный человек. Собеседовал, будто на секретную службу принимал разведчицей, и когда она начала кипеть уже от возмущения, с невинной искренностью удивился почему она такая не стрессоустойчивая. И ведь промурыжил пару дней в неведении, прежде чем эйч-ар вызвонила и сообщила, что она может выйти с понедельника к ним. Будешь тут устойчивой, когда вцепиться в волосы охота прямо в лифте. Тереться об его щетину эрогенными зонами своими, обхватить ногами, ощущая его набухший член и целовать до засосов, улетаая от его мужского древесно-сantalового парфюма, из-за которого внизу моментально тяжелеет. Не иначе феромонов туда налил, чтобы липли все женщины. И ведь вздыхает вся женская половина компании, и молодые и не очень, даже замужние и те туда же. Всем глаза не выколешь, жалко-то как.

Кстати, а глаза-то какие у него! Отвратительные. Отвратительно часто преследуют и мучают её который месяц. Как же она устала уже в туалет после него бегать трусики менять. Уже всю коллекцию перетаскала на работу. Надоело перед сном фаллосом своим бедную воспаленную докрасна киску мучить, потом пальцами догоняться представляя его. А ему хоть бы что. Его ничем не проймешь. Сухарь чёртов! Женоненавистник несчастный. Правильно жена ушла, в постели, небось, холоднее айсберга, такого же цвета, как его ненавистные глаза. Ууух, убила бы прям. Душила бы, трахала бы, пристегнув к кровати и убила бы, чтобы других не смел

мучить. За что ей такой прекрасный, но такой холодный экземпляр послан а? Ну ведь жила себе спокойно, встречалась с мужчинами, порхала как бабочка, покоряя одного за другим, а на Азарове надо было обязательно споткнуться. На том, кому дела до неё нет абсолютно. Как только за эти месяцы она не изловчилась уже. Бесполезно.

– Ненавижу! Как же ненавижу!

– Извините, Мария Олеговна. Я что-то не так сделала в документах? Ошибок, вроде, не было же в этот раз, – бедную Вику трясло от страха. Совсем еще зелёная после института, она так хотела успешно испытательный срок пройти и остаться на этой работе, что старалась как никогда. Но Машу она как огня боялась за её темперамент и частые перепады настроения. Особенно вот как сейчас. Зашла веселая и довольная, вышла злая как фурия. Как шеф до сих пор её не уволил, Вика никак в толк не возьмёт. Эти баталии продолжались каждый день с момента её прихода месяц назад, и по слухам, были и до этого несколько месяцев.

– К тебе претензий нет, Вика! Работай. Тут некоторые вконец охамели просто, женскую красоту не ценят, – нарочито громко ответила Маша и виляя бедрами, обтянутыми черными чулками, поспешила к себе в кабинет добавив в конце, – обучение через час начнем, не опаздывай.

Её счастливое черное платье должно было вскружить шефу голову настолько, что он должен был сам всё тут же смести, чтобы посадить её за свой стол и оттрахать. Не сработало. Это злило ещё больше. Импотент козлистый. Вот он кто. Все облизались мужского рода рядом, кого она встретила на пути, а этому хоть бы хны. Точно, наверное, жена ушла потому что бедняга нетрудоспособный. От того допоздна работает и тачку такую крутую имеет. Компенсирует. Ну конечно, как же она раньше не догадалась? Такая красotka как она, любого позади себя с торчащей палаткой в штанах оставляет, а его бедного только обнять и плакать остаётся. Вот как обычно, по закону подлости такие красивые снаружи мужчины – такие никчемные по содержанию. Надо с Ирой выводами гениальными поделиться и пару макарунчиков схомячить

с чаем. Надо же, только десять утра, а уже какие озарения! Гениальная она женщина или где? И даже без подсказок догадалась.

Глава 2

Маша по жизни всегда шла с гордо поднятой головой. И можно сказать, сама себя сделала с нуля, чем очень гордилась. Если у всех был какой-то базовый старт в самостоятельной жизни в виде поддержки родителей, отложенных ими денег на образование или какого-то наследства, то ей приходилось выгрызть себе место под солнцем. Всегда так было. Практически, каждый день ей приходилось доказывать, что она не пальцем деланная и клеймо детдома ничего ещё не значит. Но вечные драки и отвоёвывание своих интересов с детства, в конечном итоге, сказались на её характере и крутом нраве. С самого первого дня в детдоме, когда её побили дети и отобрали единственного медвежонка, которого бабушка подарила, она твёрдо решила будучи тринадцатилетним ребёнком – Маша Ляпина больше никому себя в обиду не даст и за своё глотку перегрызёт кому угодно.

Маму она помнила очень смутно. В голове мелькали отрывистые воспоминания, но чаще она просто их блокировала и старалась не копаться в этом. Со временем хуже не стало, просто было никак. Ничего не осталось, что могло бы кольнуть внутри. Ну, ушла мама, ну предпочла мужика ребёнку. Маша первая такая что ли? Нет. Не убиваться же из-за этого. Настоящей своей мамой она считала бабушку по маме. Та как могла растила её, выходила после тяжёлого воспаления лёгких в семь лет и дрожала над ней, как над сокровищем. Так и приговаривала всегда «моё золотко», глядя её головку и длинные рыжие косы. Маша в период жуткого подросткового бунта от обиды и злости на весь мир думала, что бабушка просто чувствовала вину за свою нерадивую дочь перед ней и поэтому вложила все силы и энергию на воспитание внучки. Но со временем поняла, что та её и вправду любила больше всего на свете и готова была на всё ради неё. Могла на хлебе сидеть сама, но бутерброд

с маслом и какао внучке обязательно обеспечивала на каждый день и вложила свою любовь в девочку насколько могла. Маша училась, была сытой, росла в тепле и комфорте, значит уже счастливый ребёнок. Это ей дала понять после долгих бесед любимая воспитательница Галина Сергеевна. «Иные и этого лишены, кто с рождения подкинуты сюда» – повторяла она.

Но было бы слишком сказочно, наверное, если бы бабушка пожила ещё чуть-чуть. Пока Маше хотя бы восемнадцать не исполнилось бы. Чуда не случилось. Утром, когда девочка проснулась, часы уже восемь утра показывали и она проспала школу. Странно, бабушка всегда её будила сама, а тут что-то новенькое. Маша пошла будить сама её, положила руку на плечи той со словами «Ба, вставай» и обнаружила уже холодной. С испугу отшатнулась и закрыла рот рукой. Расплакалась и побежала к соседям. Что она могла в тринадцать свои знать о похоронах? Пытаясь со временем вспомнить что в те дни было, она урывками могла только восставить отдельные картины в голове: много народу, гроб с совсем неузнаваемой бабушкой, словно и не она это вовсе, причитания женщин «бедный ребёнок», кисель с поминок, который она с тех пор ненавидела. И почему-то, бесконечно глубокая яма, куда как-будто целый час опускали этот заколоченный жуткими гвоздями деревянный гроб. Остальное напрочь забыто. Только вот это не самое худшее оказалось.

Обрадовавшись, что с девочкой тягаться даже не надо, сорокалетняя дочь бабушкиного покойного второго мужа решила тут же подсуетиться с оставшимся домом. Это сейчас Маша понимала, что все звёзды хором неудачно для неё сложились. Бабушка официально замужем была за вторым мужем, о завещании не позаботилась вовремя, та женщина тоже кому надо заплатила, чтобы оформили документы как ей надо, на девочку ей глубоко плевать было и она тут же обставила всё так, чтобы девочку в детдом забрали. И с тех пор ни сном, ни духом. Хотя, с чего бы? Тут родная мать знать не хотела, а чужой женщине зачем какая-то сиротинка. Благо, от чужих людей она потом в жизни больше хорошего видела.

Природа не терпит пустоты и, как правило, если где-то убыло,

в другом месте прибывает. Это для себя Маша позже чётко определила. Во-первых, ей повезло с воспитателями. Они ей прощали то, что другим детям с рук не спускалось. Но с другой стороны дети, конечно, часто тёмную ей за это устраивали. Во-вторых, она была одной из нескольких воспитанников, которая получила квартиру легко и там, где хотела. Годами все ждали в новостройках жильё, а ей нужно было жить как можно ближе к институту. Она была очень благодарна Галине Сергеевне, которая перед уходом на пенсию выбила для неё всё это и заставила поступить в институт, когда сама Маша свой потолок определяла как парикмахер, закончивший училище. Плохого в этом не было, но та видела потенциал девочки и посчитала нужным её немного направить и подтолкнуть в нужном направлении. Чутьочку поверить в свои силы и начать самой строить своё будущее, а не плыть по течению.

Слова той Маша навсегда запомнила и держала в голове, подавая после второго курса экономического на заочное юридическое: «Учись, Ляпина. Никогда не упускай эту возможность. Красота твоя не вечна, на этом далеко не уедешь. Ты у себя одна. Запомни. Хорошо, если нормальный мужик рядом будет, но надейся на себя всегда. Ты поняла меня?»

Баллов ей хватило пройти нижний порог, что безумно обрадовало и по счастливой случайности, образовалось также место по квоте для сирот. А юридический, скорее, был её неким незакрытым гештальтом, когда Галина Сергеевна ей рассказала о поступке той женщины и как ловко она провинула всё с домом. Маша очень хотела отныне знать все свои права и сделать так, чтобы никто никогда её больше не смог обмануть юридически и что-то попытаться даже отобрать. Ну уж нет! Своё она крепко теперь будет держать. Да, будет тяжело сразу в двух местах учиться, но она это должна преодолеть. Силы воли хватит. А чтобы как-то улучшить своё материальное положение, кроме основной и социальной стипендий, она начала писать курсовые своим богатым, но ленивым одноклассникам и студентам на курс ниже. И брала за срочность довольно неплохие суммы без зазрения совести. Хочешь жить-умей вертеться. Пусть рублём родителей страдают, раз попу поднять лень и что-то делать для себя. Их проблемы.